DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.061
УДК 811.161.1'282.2(571.120) +
+ 811.161.1'373.4

Е. П. Багирова
Е. Л. Марандина

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале говоров юга Тюменской области)

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на анализе структуры и семантики фразеологических единиц как составной части лексической системы старожильческих говоров юга Тюменской области.

Анализ привлеченного для исследования материала показывает, что по своему грамматическому строю региональные идиомы, как и в случае с общенародными фразеологизмами, распределяются на три структурных типа — словоформы, словосочетания, предложения. Значительную часть всех материалов исследования (свыше 90 %) составляют фразеологизмы со структурой вербальных, субстантивных, адъективных и адverbиальных словосочетаний.

Интерпретация материала показывает, что фразеологические единицы распределяются по нескольким лексико-семантическим группам, среди которых физическая, речевая, социально-бытовая, профессиональная деятельность человека, его психическое и физическое состояние, поведение, нравственные качества, оценка поступков, разнообразные предметы, окружающие человека, его представления о труде, отдыхе, времени и пр.

Относительная локальная замкнутость и бытование преимущественно в устной разговорной речи сказывается на семантическом наполнении диалектных фразеологизмов, которые отражают наиболее значимые компоненты языкового сознания диалектоносителей определенного региона, обнаруживают ценностные доминанты региональной картины мира, указывают на уникальность отражения денотативного и коннотативного содержания понятий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык; лексика; фразеология; диалектный фразеологизм; структурный тип; лексико-грамматический разряд.

Общеизвестно, что фразеология считается частью языка, которая аккумулирует и хранит результаты человеческого сознания. Язык, будучи связующим звеном между реальной действительностью, оформленной социумом и языковым сознанием, через свои единицы передает общие и частные представления о картине мира. Традиционно такими единицами языка являются в числе прочих фразеологизмы, которые выполняют функции ментальных культурно-национальных стереотипов и играют роль эталонов и символов.

В лексическом составе русских говоров фразеологические единицы (ФЕ) занимают значительное место, поскольку они позволяют образно и точно

передать мысль, сформировать представление о различных аспектах действительности, привнести в речь неповторимое своеобразие, особую выразительность и меткость. Диалектная фразеология, являясь фрагментом языковой картины мира, определяет идионациональный колорит конкретного языка и выступает хранителем народной культуры, способным отражать менталитет этнического сообщества. Поэтому изучение языка через призму отражения в нем национально-культурного опыта его носителей будет способствовать пониманию культурных установок и стереотипов нации, ее исторического прошлого, такой стороны духовной жизни социума, как система ценностей.

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на анализе структуры и семантики ФЕ как составной части лексической системы старожильческих говоров юга Тюменской области, сформировавшихся как говоры вторичного образования начиная с конца XVI — середины XVIII в. на основе различных диалектов севернорусского наречия [СРСГ, т. 1, с. 5].

Материалом исследования послужил корпус из более чем 800 ФЕ, составленный методом сплошной выборки из двухтомного «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С. М. Беяковой [Там же, с. 2], «Словаря основных слов и сочетаний с темпоральной семантикой», ставшего частью монографии С. М. Беяковой «Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области)» [Беякова, с. 215–263]. Кроме того, источниками послужили записи народной речи, произведенные авторами в 1998–2015 гг.; материалы картотеки и текстотеки, имеющихся на кафедре общего языкознания ТюмГУ.

Под фразеологизмами, вслед за Н. М. Шанским, мы понимаем воспроизводимые языковые единицы из двух или более слов, целостных по своему значению и устойчивых в своем составе и структуре [Шанский, с. 19–37]. Т. е. вслед за представителями широкого понимания фразеологии, мы толкуем ФЕ как предикативное сочетание, равное предложению и выражающее завершённую мысль, то или иное суждение [Архангельский, с. 29–31; Ларин, с. 125–149; Шанский, Иванов, с. 64–66], или фразу, которая образуется реализацией несвободных значений слов [Виноградов]. Таким образом, к диалектным фразеологическим единицам мы склонны относить не только собственно территориальные речевые обороты, характеризующиеся образно-экспрессивным значением (*да́тъ тѹ́гала* ‘убежать’, *лы́зки гоня́тъ* ‘бездельничать’), но и предложно-падежные конструкции (*в ла́пу* ‘тип соединения бревен при постройке дома, бани’), сочетания, выступающие в роли наречий (*никакі́м рѹ́дом* ‘никак’), а также известные в говоре номенклатурно-терминологические составные наименования (*богору́дская тра́ва* ‘тимьян ползучий’, *неру́дной го́д* ‘неурожайный год’) и обрядовую терминологию (*со́р сорѹ́тъ*, *солѹ́му ме́стѹ*). Такой подход к определению границ фразеофонда говоров юга Тюменской области представляется наиболее оправданным, поскольку позволяет включить в состав фразеологических сочетаний все семантически несвободные сочетания слов, которые воспроизводятся в речи диалектоносителей в социально закреплённом

за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава.

Привлеченный для исследования материал показывает, что по своему грамматическому строю региональные идиомы, как и в случае с общенародными ФЕ, распределяются на три структурных типа — словоформы, словосочетания, предложения.

ФЕ - словоформы в наших материалах представлены фрагментарно в виде сочетания слова знаменательной части речи (в наших материалах это имя существительное) со служебным словом (предлоги и частицы): *не в числѣ* ('переходящий церковный праздник, который не закреплен за определенной датой'; Ус. Слад., Дег. Юрг.), *с рук* ('сделано своими руками'; Клк. Тюм.), *под крѣндель* ('под руку (взять)'; Шад. Каз.), *на прѣтчу* ('на беду'; Мед. Гол.) и др.

ФЕ - словосочетания составляют значительную часть всех материалов исследования (свыше 90 %) и различаются на основании того, какое слово в них является грамматически главным. В этой связи выделяем следующие наиболее продуктивные типы: 1) вербальные, 2) субстантивные, 3) адъективные, 4) адвербиальные.

Вербальные ФЕ представляют собой сочетание глагола с именем существительным, наречием или другим глаголом. Устойчивые единицы, входящие в данный структурный тип, чрезвычайно разнообразны по семантике, в основе которой всегда лежит общее понятие действия как процесса. Доминируют в речи диалектоносителей сочетания, характеризующие речевую деятельность субъектов коммуникации. В сочетаниях, определяющих специфику речемышлительной деятельности, на первый план выступает оценка коммуникативной способности говорящего. Чаще всего в региональных идиомах отражена оценка нарушителей принятых в традиционной сельской культуре норм речевого поведения: *брѣкать языкѡм* ('болтать попусту'; Крб. Ялут.), *балѣсы вестѣи* ('вести пустые разговоры'; Биз. Тоб.), *натрѣпѣть языкѡм* ('сказать неправду, лишнее'; Брх. Исет.), *языкѡм чесѣть* ('говорить не по делу, болтать'; Юрга Юрг.) и др. Устойчивые сочетания данного типа способны репрезентировать надоедливое, назойливое речевое поведение (*скрѣсу не даѣт* 'постоянно надоедает, пристает'; Ант. Н.-Тавд.; Антп., Коп. Тюм.), а иногда и агрессивное речевое воздействие, демонстрирующее контроль за действиями собеседника: *дѣть припѣрочку* ('отругать кого-либо'; Ст.-Змк. Завод.), *говорѣть / реветѣ с причѣтом* ('говорить с обидой; выговаривая, бранясь'; Упр. Упор.). Нередко в оценочных суждениях эксплицируется стремление диалектоносителя к пересудам, сплетням: *хѣркать в глазѣи* ('неодобрительно отзываться о ком-либо, порочить кого-либо'; Гус. Тюм.), *навестѣи напѣрѣслину* ('ложно обвинять кого-либо в чем-либо'; Н.-Нкл. Н.-Тавд.), *утопѣть в грязѣи* ('оболгать'; М.-Кря. Омут.), *говорѣть в понѡс* ('наговаривать на человека'; Ант., Дев. Н.-Тавд.) и др.

Большим количеством иллюстраций представлены глагольные фразеологизмы, характеризующие любую физическую деятельность диалектоносителей. Чаще всего ФЕ акцентируют внимание на качестве работы,

выполняемой представителями сельского поселения. Положительную оценку в речи диалектоносителей получает труд, приносящий пользу, имеющий созидательный характер. О людях трудолюбивых скажут, что они могут **ворóчать как лóшадь** ('тяжело работать'; Ксн. Ваг.), **рабо́тать как лóшадь / во́лк** ('много и тяжело работать'; Мед. Гол., С.-Плт. Юрг.), **жи́ть своим горбо́м** ('самостоятельно зарабатывать на жизнь'; Чрв. Тюм.). Безусловно, в региональной фразеологии устойчивые сочетания о труде, трудолюбии активно коррелируют с сочетаниями, порицающими такие антиценности, как безделье, праздность, лень. Как правило, во фраземах ленивый человек, его действия осуждаются полусутоливо, не злобно, а в некоторых случаях даже остроумно. Так, например, безделье лентяя метафорически может описываться следующим образом: **балду́ пинáть** (Южн. Ялут.), **лежа́ть но́ги в потоло́к** (Чрм. Ялут.), **сиде́ть как два́ скворе́чника** (Крв. Ялут.), **лежа́ть но́ги кве́рху** (Юрга Юрг.), **валя́ть ду́ру** (Усп. Тюм.), **лы́зки гоня́ть** (Мед. Гол.).

Не менее активно используются носителями языка вербальные ФЕ семантических групп со значением, определяющим с у щ е с т в о в а н и е ч е л о в е к а : **жи́ть в де́вках** ('работать прислугой, проживая у нанимателя'; Кир. Исет.), **жи́ть в тя́гости** ('страдать; переносить трудности, лишения, невзгоды'; Брх. Исет.), **нача́ть жи́ть с ло́жки / нажива́ть с ло́жки** ('начинать самостоятельную жизнь, не имея имущества'; Здн. Слад., Юрга. Юрг.), его с о ц и а л ь н о - б ы т о в у ю д е я т е л ь н о с т ь : **бра́ть помо́чу** ('оказывать коллективную помощь при строительстве дома'; К.-Яр Уват.), **испра́вить па́шенку** ('хорошо вспахать'; Антп. Тюм.), **ходи́ть по страда́м** ('работать по найму'; К.-Яр Уват.), п е р е д в и ж е н и е : **да́ть тигáла** ('убежать'; Болд. Абат.), **бе́ги забега́ть** ('устраивать соревнования в езде на лошадях'; Пел. Слад.).

Продуктивной по репрезентативности является группа глагольных ФЕ, определяющих п о в е д е н и е ч е л о в е к а , которое может обуславливаться его социальной ролью, возрастными особенностями, характером. Как правило, анализируемые фразеологические единицы содержат в семантической структуре оценочные семы, выражающие негативную или позитивную оценку поведения человека. К позитивно оценочным отнесем, например, идиомы **свеи́ть ряби́ной** ('быть видным, заметным'; Юрга Юрг.), **верте́ться как веретене́** ('находиться в постоянных хлопотах, работать с усердием, суетиться'; Глш. Гол.). Однако, надо заметить, высокой частотностью обладают единицы с отрицательной коннотацией, в основе семантической структуры которых лежит действие, определяющее негативное поведение объекта: **наде́ть бессты́дную рóжу** ('опозорить'; Срп. Вик.), **ходи́ть по сторо́не** ('изменять жене или мужу'; К.-Яр Уват.), **ле́зть в щети́ну** ('ссориться'; Юрга Юрг.). Отрицательную оценку в говорах юга Тюменской области получают такие явления, как обман, грубость, агрессивность, лень, жадность и пр. Например:

— критика нечестных поступков: **набива́ть де́ньги** ('работать только ради денег'; Кст. Тюм.); **ле́жа гу́жй рве́т** ('о бесцеремонном человеке, способном на авантюру'; Мед. Гол.);

— осуждение высокомерия, заносчивости: *чѣрез трѣ спинѣ не хѣркнет* ('не обратит внимание, не захочет общаться'; Блг. Вик.);

— неодобрение агрессивности, недружелюбия: *брѣть хрѣпом* ('быть напористым, наглым'; Яр. Ярк.), *закліку не знѣть* ('не знать запрета, не подчиняться правилам'; Т. Ярк.), *лѣзть под шкурѣ* ('раздражать, нервировать кого-либо'; Крв. Ялут.), *глядѣть Мѣтъкой* ('коситься, глядеть неласково'; Сбч. Аром.) и др.

В группе вербальных ФЕ широко представлены процессуальные идиомы со значением состояния человека. Востребованность эмотивных фразем определяется коммуникативной необходимостью вербализации чувств и эмоциональных реакций говорящих, их состояния и отношения к миру и к самим себе в этом мире. Данный тип сочетаний становится вербализатором таких доминантных психических состояний, как печаль, скорбь: *принѣть гора* ('испытывать глубокую скорбь, тосковать'; М.-Кря. Омут.), *намѣкать гора* ('претерпеть горе, нужду'; Мед. Гол.); и спуг: *обжѣчь шкурѣ* ('испугаться'; К.-Яр Уват.); растерянность, смущение: *бѣть в растерѣ* ('растеряться'; Дев. Н.-Тавд.), *не знѣть куда сѣсть* ('робеть, чувствовать неловкость, смущение'; Мжд. Омут.); гнев: *довестѣ до сѣрдца* ('сильно рассердить, привести в злобное раздражение'; Юрга Юрг.); удивление: *прибѣвитѣ глазѣ* ('удивиться'; Кир. Исет.) и др. Необходимо отметить, что разнообразные эмоциональные переживания, нашедшие отражение в диалектной фразеологии юга Тюменской области, неизменно сопровождаются такой реакцией, как слезы: 1) тоска, страх остаться одной: «Она *в вытѣ удѣрилась*: умру с тобой» (К.-Яр Уват.); 2) чувство сопереживания, тревоги: «Мы смѣтрим в окѣшко — мама... Потѣм придѣ домѣ и *голосѣт в гѣлос*... а онѣ стѣнут, солдѣты-те (о работе в госпитале)» (Гаев. Исет.); 3) страх: «А она, сѣрдѣшная, *слизѣми уливѣлась*. На кавѣ, говорѣт, я вас, сирѣтѣнушки, остѣвлю» (Прл. Тюм.); 4) горе, скорбь: «А отѣц, мѣш мѣй, погѣп. Похорѣнка пришлѣ. Дѣчь пѣрвая *ревока задалѣ*. А мнѣго погѣбло. Тѣт ревѣт в дѣме, тѣм ревѣт» (Упр. Упор.); 5) волнение, переживание: «А я как Фѣдю свѣовѣ в ѣрмею провѣжѣла... А у мѣня сѣрцо-то прыгѣт, слѣзы. А Фѣдор мнѣ да говорѣт: Ты, мѣя Нѣора, не ревѣ, *не вѣй в гѣлос-от*. Лѣуди, дѣскачь, осѣдѣт» (Ус. Ярк.) и др.

Меньшим количеством примеров представлен пласт глагольной фразеологии, обозначающей психическое или физическое состояние объектов коммуникации: *умѣм тряхнѣться* ('слегка помешаться, стать психически ненормальным'; Пол. Берд.), *ноги не нѣсят* ('о состоянии слабости, усталости'; Брх. Исет.), *пойтѣ на исхѣд* ('одряхлеть, стать немощным'; Срк. Ярк.), *отжѣть свѣй вѣк / дожѣть до годѣв / из дѣла вѣйти* ('стать старым, дряхлым'; Скрд. Исет., Ант. Н.-Твд., Прл. Тюм.), *зубѣриками щѣлкачь* ('голодать'; Трш. Уват.), *голодѣушки / голода хватѣть* ('пережить голодное время, голодать'; Мед. Гол., Сит. Омут.), *копыта отдѣть* ('умереть'; Б.-Кря. Омут.) и др. Языковой материал, таким образом, показывает, что вербальные ФЕ со значением состояния характеризуют субъект с разных сторон, обозначая его чувства, эмоции, изменения состояния здоровья и физического развития, определяя его способности осознавать окружающий

мир и себя в нем, передавая сложные физиологические процессы, связанные с рождением и смертью, возрастными изменениями.

Судя по приведенным иллюстрациям, глагольные ФЕ в диалектном дискурсе юга Тюменской области представлены во всем разнообразии форм и значений. Семантическая структура большинства из них формируется под воздействием именных компонентов (существительных, прилагательных, местоимений), которые не влияют на создание системы форм и грамматических категорий фразем, однако вносят весомый вклад в семантику исследуемых оборотов, которые делают высказывание ярким, выразительным и эмоционально емким.

Основанием объединения субстантивных идиом в группу послужила их возможность обозначать лицо или предмет, а также наличие грамматических категорий рода, числа и падежа. Так, например, фразеологическое сочетание может стать наименованием человека:

— по роду деятельности, профессии: *свящённые лю́ди* ('священнослужители'; Мед. Гол.), *ско́тский вра́ч* ('ветеринар'; Бг. Тюм., Мед. Гол.);

— по социальному статусу: *оди́ночная ма́ть* ('мать-одиночка'; Кнш. Н.-Тавд.), *деви́чий па́рень* ('внебрачный сын'; Антп. Тюм., Бух. Н.-Тавд.), *перелётная пти́ца* ('девушка, собравшаяся выйти замуж и поменять место жительства'; Пгс. Ваг.);

— по нравственным и физическим качествам: *блы́кень блы́кнём* ('здоровый сильный парень'; Быз. Упор.), *Алёша бесконво́йный* ('сумасбродный, неуравновешенный, имеющий причуды человек'; Пнв. Тоб.), *пика́н прошлогóдний* ('высокий худощавый человек'; М.-Тр. Юрг.);

— по поведению: *натопы́рь ко́жаной* ('человек, который не любит грязную, черную работу'; Анд. Н.-Тавд.), *чухня́ чухнёй* ('слабый, нерешительный, ни на что не способный человек'; Раф. Исет.), *язы́к на по́лом ме́сте* ('болтливый человек'; Ант. Н.-Тавд.), *у́хо с глаза́ми* ('бойкий, проворный человек'; Шад. Каз.), *сплох да вывих* ('плохой, неприятный человек'; Н.-Нкл. Н.-Тавд.) *сарафа́нное ра́дио* ('сплетница'; М.-Тр. Юрг.), *лени́вая соха́* ('лентяй'; Кл. Тюм.), *лоды́рь несусме́ртный* ('очень ленивый человек'; 'нерасторопный, нерадивый'; Млн. Гол.).

Предметный фразеологический мир говоров юга Тюменской области также разнообразен по типу входящих в него устойчивых единиц с главным словом, выраженным именем существительным. Такие номинации могут обозначать конкретный предмет (*беспу́той до́м* 'брошенный дом, в котором теперь не живут'; Рзд. Армиз.; *бу́шиное коры́то* 'деревянное корыто для стирки белья'; Кзл. Гол.) или абстрактный (*меже́нное вре́мя* 'середина лета'; Ант. Н.-Тавд.), иметь собирательное значение (*карто́вная мекі́на* 'картофельная ботва'; Крш. Упор.; *всякая всяко́та* 'всякая всячина'; Срк. Ярк.) или вещественное (*одноме́сячная карто́вь* 'ранний сорт картофеля'; У.-Лм. Гол., Ант. Н.-Тавд.; *нулева́я мука́* 'белая мука высшего сорта'; Ер. Н.-Тавд.). Кроме того, субстантивные диалектные ФЕ обладают обширным арсеналом внутренних ресурсов для обозначения:

— речевых возможностей человека (*басінка в гóлосе* ‘не слишком сильный голос низкого тембра’; Мрз. Уват.; *бельмѣнь бельменѣм* ‘человек, который не может объясниться из-за незнания языка’; Мс. Н.-Тавд.);

— возраста человека (*уклѡнный вѡзраст / годá уклѡнны / годá большіе* ‘преклонный возраст’; Кзн. Каз., Юрга Юрг., Мед., Глш. Гол.; *глубѡкіе годá* ‘глубокая старость’; Срк., В.-Сид. Ярк.);

— места (*деляничное мѣсто* ‘отведенный для вырубki участок леса’; В.-Сид. Ярк.; *мошнѡе мѣсто* ‘место, поросшее мхом’; Б.-Яр. Уват.);

— процесса (*ямскáя гоньбá* ‘занятие ямщицким промыслом’; Анд. Н.-Тавд., Кам. Тюм.).

Кроме перечисленных эпизодов обозначения реалий номинативными ФЕ, отмечаются случаи использования диалектоносителями составных терминологических сочетаний, которые применяются для наименования как артефактов (*бúсовое сѣто* ‘частое, густое сито’; Прл. Тюм.; *дверя́женная пря́жа* ‘пряжа для вязания, состоящая из двух скрученных вместе ниток’; Яр. Ярк.; *жерли́цкая дорѡ́жка* ‘несколько рыболовных снастей, стоящих в ряд’; К.-Яр. Уват. и др.), так и естественных объектов (*жарѡвой лѣс* ‘высокий, прямой, несуковатый лес’; К.-Яр. Уват.; *журавли́ная травá* ‘герань луговая’; Б.-Сор. Сорок.; *бусене́цкой дождь* ‘мелкий, моросящий дождь’; Пл. Ярк.; *вѣршной лёд* ‘непрочный весенний лед’; Н.-Змк. Завод.; *бѣлые комары́* ‘снег’; Ус. Слад. и др.). Возникновение внелитературных номинативных конструкций, фиксирующих в говоре различные артефакты, объясняется высокой востребованностью уточняющих названий для инструментов и орудий труда, созданных на данной конкретной территории, а также для идентификации некоторых функциональных частей механизмов, не обозначенных средствами литературного языка. Часто результат номинативной деятельности диалектоносителей реализуется в метафорических составных названиях, например, отождествляющих артефакт с человеком (*одногѡрлой / двухгѡрлой фити́ль* ‘малая ловушка для рыбы с одной / двумя горловинами’; Ант. Н.-Тавд.; *двухпáлочная сѣть* ‘сеть с ячейками размером в два пальца’; Ант. Н.-Тавд.) или с животными / птицами, частями их тела (*двоерѡжные ви́лы* ‘вилы с двумя зубьями’; Ант. Н.-Тавд.; *двухкры́лый фити́ль* ‘малая ловушка для рыбы с двумя направляющими «крыльями», изготовленными из сети’; Ув. Уват.) и др.

Надо сказать, что нередко на основе метафорического переноса моделируются и названия растений. Например, метафорическое мировидение природного окружения обнаруживаем в следующих народных фитонимах: *ба́бьи сплѣтннн* ‘комнатное вьющееся растение, традесканция’; Мед. Гол., Бг. Тюм.), *барáшек бѣлый* ‘белый клевер’; Бтн. Исет.), *егѡрово копыѣ* ‘лечебное растение’; Бач., Буг. Ярк.), *куку́шкины / кукушечьи слѣзы* ‘ягоды ятрышника пятнистого’; Аб. Абат.), *лягуши́чья травá* ‘растение калужница болотная’; Бун. Сорок.), *рэзь корѡвья* ‘осока’; Б.-Сор. Сорок.), *куви́шнистой лук* ‘репчатый лук с большой головкой и с крупными стреловидными листьями’; Млн. Гол.), *татáрское мы́ло* ‘мыльнянка, декоративное цветущее растение’; Мед. Гол.) и др. С уверенностью

можно сказать, что в подобных номинативных сочетаниях концентрируются накопленные диалектоносителями сведения об окружающем мире, их опыт его познания и оценки, результаты эмоционального и ценностного отношения к реалиям действительности.

Значительным количеством примеров в наших материалах представлены субстантивные фраземы, передающие представление сельских жителей о времени. Темпоральные сочетания маркируют в речи диалектоносителей отдельные части дня (*паўжінны́й час* / *паўжіннае врэ́мя* 'время обеда или ужина (паужны)'; Мс., Дев. Н.-Тавд.; *става́льная пора́* 'время пробуждения, утро'; Шип. Юрг.), жизнь как временной отрезок (*вёк веку́щий* 'целый век, много времени'; Брл. Гол.), времена года и погодные / природные явления, характерные для этого времени (*вё́шна врэ́мя* / *вё́шная пора́* 'весеннее время'; Г.-Слн. Уват., Крш. Упор.; *большеводно врэ́мя* / *больша́я вода́* 'время разлива рек'; Ант. Н.-Тавд., Мед. Гол.; *рекоста́вно* / *рекоста́вленное врэ́мя* 'время замерзания рек'; Нов., Сол. Уват.).

Сутки диалектоносители традиционно делят на темное время (*но́чь-но́чінская* 'глубокая ночь'; Сав. Омут.) и светлое (*денё́шний де́нь* 'целый день, весь день'; Длг. Вик.; *де́нь-де́ньский* 'часть суток от утра до вечера'; Мед. Гол.), отмечая в них период отдыха (*ро́зды́шное врэ́мя* 'время для отдыха'; Анд. Н.-Твд.) и период работы (*упово́денно врэ́мя* 'период «уповода», т. е. работы от отдыха до отдыха'; Анд. Н.-Тавд.). Другой специфической чертой диалектных обозначений времени является распределение жизни человека по сельскохозяйственным циклам, в частности: *жні́твенная стра́да́* ('период жатвы'; Дег. Юрг.), *де́нь борозды́* ('праздник окончания посевной'; Мед. Гол.), *запа́шныя дні́* ('праздник, связанный с началом сельхозработ'; Пол. Берд.).

День, названный именем того или иного святого, является еще одной единицей времени — времени обрядового, ритуального: *де́нь Ива́на Купа́лы* / *Ива́н Купа́тель* / *Ива́нов де́нь* ('праздник, посвященный летнему солнцестоянию'; повсем.), *Ильи́н де́нь* / *Илья́* ('день памяти пророка Илии'; повсем.), *Петро́в де́нь* / *Петро́вка* / *Петро́в* ('день святых апостолов Петра и Павла'; повсем.), *Свято́й Егору́й* / *Егору́й* / *Егору́ев де́нь* / *Егору́й ве́шний* ('день памяти святого Георгия Победоносца'; повсем.), *Нико́лин де́нь* / *де́нь Святы́теля Нико́лая* / *Мико́ла* ('день святителя Николая Чудотворца'; повсем.) и др. В диалектах, как видим, происходит адаптация церковных названий календаря, которая сопровождается разнообразными модификациями известного сочетания, как правило, за счет введения бытовых лексических аналогий или сокращения состава устойчивой единицы.

В народном сознании существует своя значимость дат календаря, которые определенным образом структурируют время и призваны организовать, упорядочить как духовную, так и материальную сферы жизни человека. Неслучайно в говорах названия праздников аграрного (христианского) календаря становятся точными ориентирами во времени и сопутствующих ему действиях: «Ра́ньшэ в Егору́еф де́нь расса́ду се́яли» (Мед. Гол.), «По́сле Петро́ва днья́ еду́т на покос» (Юрга Юрг.), «С Петро́ва дньі́ фсе́ е́здили сы́но косы́ть» (Мед. Гол.),

«Митров дeнь — когда фсе убрали, обмолотили» (Уш. Тюм.), «В Ильин дeнь уш поткапывали картошку» (М.-Тр. Юрг.), «До Миколы сажали, до двацать второво» (Мед. Гол.).

Праздники невозможны без будней. Поэтому основой годового ритма жизни становится чередование будничных (*будёной дeнь* (Трв. Слад.), *прóстое врeмя* (Мед. Гол.)) и праздничных / выходных дней (*празднeные дни* 'свободные, выходные дни'; Арх. Исет.; *престольный / съезжий праздник* 'праздник в память события церковной истории или святого, во имя которого освящен храм в селе'; повсем.). Представленная в региональной фразеологии оппозиция праздники — будни репрезентирует сферу отношений в сельской местности, где праздники, повторяющиеся с определенной периодичностью, являются не только существенной частью социальной жизни, но и особым периодом обрядового, ритуального времени.

Таким образом, в тюменской диалектной фразеологии отображено многообразие представлений диалектоносителей о темпоральности как координате человеческой жизни и во многих случаях темпоральная составляющая фраземы формируется на основе личного временного опыта носителя говора.

Меньшим количеством примеров в наших материалах представлены адъективные и адвербиальные фразеологические единицы. У первой группы фразем семантической основой является непроцессуальный признак лица, предмета или явления: *зёрный на работу* ('трудолюбивый'; К.-Яр Уват.), *дóлгом прóст* ('свободный от долгов (о человеке)'; Ант. Н.-Тавд.). Вторая группа — адвербиальные фразеологические единицы — обозначают время действия (*в кою пору / в кою поричку* 'очень быстро'; Косм. Ярк.; *в сeчасное врeмя* 'в настоящее время'; Клк. Тюм.; *из вéку в вéк* 'издавна'; Ант. Н.-Твд.; *с мáтери́на порождéния* 'с рождения'; С.-Шад. Упор.), образ действия (*во всю́ ёслину / во всю́ голо́вушку / бла́жным го́лосом* 'очень громко, истошно (кричать)'; Ант. Н.-Тавд., Трш. Уват.; *лезмá лeзть* 'неотступно, настойчиво'; Анд., Н.-Твд. Н.-Тавд.), меру и степень действия (*пóлно берeмá* 'много'; Оsn. Уват.).

ФЕ - предложения (около 6 %) могут восходить к простым предложениям. «Бывшие» двусоставные предложения (полные и неполные): *глазá не глядят* ('очень много чего-либо'; Мед. Гол.), *сам себя упрáвил* ('покончил с собой'; Щуч. Ярк.), *пáтки свистя́т* ('делать что-либо быстро'; Мед. Гол.), *душá не тeрпит* ('о состоянии нетерпения'; Мед. Гол.). «Бывшие» односоставные предложения: *нeт спокóю* ('отсутствие покоя, тишины'; Сав. Омут.), *нeт понáтия / нe было понáтия* ('не знать, не думать о чем-либо'; Мед. Гол.). ФЕ-предложения также могут представлять собой части сложных предложений, организованных как придаточные: *хóть гла́з вы́коли* ('совершенно темно, ничего не видно'; Кош. Омут.), *что бо́г приведе́т* ('надежда на лучшее положение или благополучный исход в каком-либо деле'; Скрд. Исет.), *что́ слeпóму а́збука* ('что-то непонятное'; Пел. Слад.).

Кроме того, в материалах исследования обнаружен круг стационарных фраз диалогической речи, представляющих собой слова-предложения, в том числе

модального, междометного и модально-междометного характера: *Холёра вáс тряси́!* ('выражение недовольства, досады, гнева'; Мед. Гол.), *Како́го чомóра?* ('зачем, с какой стати?' Ус. Слад.), *Язví тебá в дýшу!* ('выражение острой досады, негодования'; Пнв. Тоб.) и др.

Таким образом, структурные особенности диалектной фразеологии можно считать общерусскими. Различия касаются только большей или меньшей продуктивности некоторых структурных моделей.

Территориальная самобытность внешней формы фраземы, ее семантическое наполнение определяются характером совместного функционирования лексических единиц основного общерусского и территориального фондов, индивидуальными особенностями говорящего, его коммуникативными интенциями, прагматической направленностью на собеседника, свободой в выражении оценочного компонента ФЕ, а также появлением новых устойчивых словесных комплексов, основанных на актуальных для определенной эпохи образах, значениях и представлениях диалектоносителей.

В связи с относительной локальной замкнутостью и бытованием преимущественно в устной разговорной речи, семантическое наполнение фразеологизмов отражает наиболее значимые компоненты языкового сознания жителей определенного региона. Устойчивые сочетания помогают выявить ценностные доминанты диалектной картины мира, отличаются уникальностью отражения денотативного и коннотативного содержания понятий, территориальной самобытностью внешней формы фраземы.

Источники

Белякова С. М. Словарь // Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. С. 215–261.

Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области : в 2 т. / под ред. С. М. Беляковой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014.

Исследования

Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. М. : Языки русской культуры, 1996.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1986. С. 140–161.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М. : Ленанд, 2015.

Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык. Ч. 1 : Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. М. : Просвещение, 1987.

Сокращения в названиях районов и населенных пунктов

Абатский район (Абат.)	Ер. – с. Еремино
Аб. – п. Абатский	Кнш. – с. Канаш
Болд. – с. Болдырево	Мс. – с. Мияссы
Армизонский район (Армиз.)	Н.-Твд. – п. Нижняя Тавда
Ншн. – д. Няшино	Н.-Нкл. – с. Новоникольское
Рзд. – с. Раздолье	Тюн. – с. Тюнево
Аромашевский район (Аром.)	Омутинский район (Омут.)
Сбч. – с. Слободчики	Б.-Кря. – с. Большой Краснояр
Бердюжский район (Берд.)	Дмт. – д. Дмитриевка
Окн. – с. Окунево	Кош. – п. Кошелевский
Пол. – с. Полозаозерье	М.-Кря. – д. Малый Краснояр
Вагайский район (Ваг.)	Мжд. – д. Медвежка
Вг. – с. Вагай	Сав. – д. Савинова
Ксн. – с. Касьяново	Сит. – с. Ситниково
Пгс. – с. Погост	Сладковский район (Слад.)
Викуловский район (Вик.)	Бк. – с. Беково
Блг. – с. Балаганы	Здн. – д. Задонка
Длг. – с. Долгушино	Ник. – с. Никулино
Кмс. – д. Комиссаровка	Ост. – д. Остропятово
Ряб. – с. Рябово	Пел. – с. Пелевина
Срт. – с. Сартам	Трв. – с. Травное
Чрн. – д. Чернышева	Ус. – с. Усово
Голышмановский район (Гол.)	Сорокинский район (Сорок.)
Брл. – д. Боровлянка	Б.-Сор. – с. Большое Сорокино
Глш. – с. Голышманово	Бун. – д. Бунькова
Евс. – с. Евсино	Тобольский район (Тоб.)
Кзл. – д. Козловка	Биз. – с. Бизино
Млн. – с. Малиновка	Пнв. – д. Панова
Млш. – с. Малышенка	Тюменский район (Тюм.)
Мед. – с. Медведево	Антп. – с. Антипино
У.-Лм. – с. Усть-Ламенка	Бг. – с. Богандинское
Заводоуковский район (Завод.)	Гус. – с. Гусево
Ст.-Змк. – д. Старая Заимка	Кам. – с. Каменка
Исетский район (Исет.)	Кл. – с. Килки
Арх. – с. Архангельское	Клк. – с. Кулаково
Брх. – с. Бархатово	Коп. – д. Копытова
Бтн. – д. Батени	Кст. – д. Костылева
Гаев. – д. Гаева	Млк. – с. Мальково
Кир. – п. Кировский	Онх. – с. Онохино
Рас. (Скрд.) – с. Рассвет (Скородум)	Прл. – с. Перевалово
Раф. – с. Рафайлово	Реш. – д. Решетникова
Казанский район (Каз.)	Усп. – с. Успенка
Кзн. – с. Казанское	Уш. – д. Ушакова
Пеш. – с. Пешнево	Чрв. – с. Червишево
Шад. – д. Шадринка	Уватский район (Уват.)
Нижнетавдинский район (Н.-Тавд.)	Б.-Яр. – д. Большой Яр
Анд. – с. Андриюшино	Г.-Слн. – с. Горнослинкино
Ант. – с. Антропово	Дем. – с. Демьянское
Дев. – с. Девятково	К.-Яр. – с. Красный Яр

Нов. – с. Новое	Ялуторовский район (Ялут.)
Мрз. – д. Мурза	Зин. – с. Зиново
Осн. – с. Осинник	Ивн. – с. Ивановка
Сол. – д. Солянка	Кв. – с. Киево
Трш. – д. Трошина	Крб. – с. Карабаш
Ув. – с. Уват	Крв. – д. Криволукская
Упоровский район (Упор.)	Чрм. – п. Черемушки
Быз. – с. Бызово	Южн. – с. Южное
Крш. – с. Крашенинино	Ярковский район (Ярк.)
Пнт. – д. Пантелеевка	Акс. – д. Аксарина
Пет. – д. Петропавловка	Бач. – с. Бачелино
С.-Шад.– д. Старая Шадрина	Буг. – д. Бугинка
Упр. – с. Упорово	В.-Сид.– с. Верхнесидорово
Юргинский район (Юрг.)	Ивл. – с. Иевлево
Дег. – д. Дегтярева	Косм. – д. Космакова
М.-Тр. – д. Малая Трошина	Пл. – с. Плеханово
С.-Плт.– с. Северо-Плетнево	Срк. – д. Сорокино
Шип. – с. Шипаково	Т. – д. Тараканова
Юрга – с. Юргинское	Ус. – с. Усалка
	Щуч. – д. Щучья
	Яр – с. Ярково

Поступила в редакцию 28.05.2017

Принята к печати 14.08.2017

Багирова Елена Петровна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: bagirovaelena@mail.ru

Марандина Елена Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания
Тюменский государственный университет
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: elipihina@yandex.ru

Bagirova, Elena Petrovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Chair of General Linguistics
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., 625003 Tyumen, Russia
Email: bagirovaelena@mail.ru

Marandina, Elena Leonidovna

PhD (Philology), Associate Professor,
Chair of General Linguistics
Tyumen State University
6, Volodarsky Str., 625003 Tyumen, Russia
Email: elipihina@yandex.ru

THE STRUCTURE AND SEMANTICS OF DIALECT PHRASEOLOGICAL UNITS (Based on the Dialects of Southern Tymen Region)

The authors analyse the structure and semantics of phraseological units as an integral part of the lexical system of the old dialects of Southern Tyumen Region.

The analysis of the material shows that from the point of view of its grammatical structure, regional idioms, as well as nationwide idioms, fall into three structural types, i.e. word forms, phrases, and sentences. A significant portion of all the material

studied (over 90 %) is made up by phraseological units that are verbal, substantive, adjectival, and adverbial phrases.

The interpretation of the material shows that phraseological units can be divided into several lexico-semantic groups, including people's physical, verbal, social, and professional activities, their mental and physical condition, behavior, moral qualities, evaluation of actions, various objects surrounding them, their ideas about labour, leisure, time, etc.

The fact that such idioms are relatively isolated locally and exist mostly in oral speech affects the semantic content of dialect phraseological units, which represent the most significant components of the linguistic consciousness of the local residents of a certain region, illustrate the values dominating in the regional worldview, and indicate the uniqueness of the reflection of the denotative and connotative content of the concepts.

Key words: Russian language; lexicon; phraseology; dialect phraseological unit; structural type; lexico-grammatical category.

Arkhangelsky, V. L. (1996). *Ustojchivyye frazy v sovremennom russkom iazyke* [Set Expressions in the Modern Russian Language]. Moscow: Yaziki russkoy kultury. (In Russian)

Larin, B. A. (1977). *Istoriya russkogo iazyka i obschee iazykoznanie* [The History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow: Prosveschenie. (In Russian)

Shansky, N. M. (2015). *Frazeologiya sovremennogo russkogo iazyka* [The Phraseology of the Modern Russian Language]. Moscow: Lenand. (In Russian)

Shansky, N. M., & Ivanov, V. V. (1987). *Sovremennuy russkiy iazyk. Vvedenie. Leksika. Frazeologiya. Fonetika. Grafika i orfografiya* [Modern Russian Language. Introduction. Lexis. Phraseology. Phonetics. Graphics and Orthography]. Moscow: Prosveschenie. (In Russian)

Vinogradov, V. V. (1986). Ob osnovnyh tipach frazeologicheskikh edinits v rysskom iazyke [On the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. In V. V. Vinogradov, *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography] (pp. 140–161). Moscow: Nauka. (In Russian)

Submitted on 28 May, 2017
Accepted on 14 August, 2017